

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

О ЖИЗНИ МАСТУРЕ – КУРДСКОЙ ПОЭТЕССЫ И ИСТОРИОГРАФА

Первая половина XIX в. для Южного и Восточного Курдистана (Арделанского и Бабанского княжеств) отмечена невиданным расцветом поэзии и историографии. В Арделане возникает школа местных историографов. В антологиях XIX в. встречается целый ряд имен поэтов, живших и творивших в этой области: Мирза Муртаза Афсар Курдистани, Асадаллах-бек Амир-и Синне Ардалани, Акбар-бек Курдистани, Мирза Абдалбаки Шайда-йи Курдистани, Хусайн-Кули-хан Хави Санандаджи и другие. На это же время приходится жизнь и творчество таких великих курдских поэтов, уроженцев Южного Курдистана, как Абдаррахман-бека Салима, Мустафа-бека Курди и Мулла Хизра Нади.

Среди имен курдских поэтов и историографов первой половины XIX в. особое внимание привлекает имя Мах Шараф-ханум Курдистани, известной под литературным псевдонимом Мастуре (перс. "спрятанная, целомудренная"). Перу Мастуре принадлежит "Хроника Арделана", изданная в 1946 г. в Иране Насиром Азадпуром. По сведениям, которыми располагал издатель хроники, ею было написано еще одно сочинение о верованиях и шариате, но найти эту рукопись ему не удалось. Однако наибольшую известность Мастуре получила как автор изящных, отмеченных тонким вкусом и блестящим мастерством поэтических произведений. Диван персидских стихов Мастуре собран и опубликован в 1926 г. курдским просветителем Йахйей Ма'рифатом, он охватывает лишь часть поэтического наследия Мастуре, поскольку большая часть ее стихов написана на гуранийском наречии курдского языка¹.

Рукописи трудов Мастуре не были собраны ни при ее жизни, ни после ее кончины. К тому времени, когда Йахйей Ма'рифат, изучая творчество курдских поэтов-классиков, познакомился с несколькими стихотворениями Мастуре, ее имя, по его словам, было мало кому известно в Курдистане². Осуществленные Йахйей Ма'рифатом и Насиром Азадпуром издания, их небольшие, но содержательные предисловия, исполненные восхищения личностью автора, возродили имя этой поэтессы и историка и присоединили к другим прославленным курдским именам. Однако до сих пор о жизни Мастуре известно очень мало. Вне поля зрения исследователей курдской истории и литературы осталась хроника Мастуре, откуда

можно почерпнуть целый ряд новых сведений, проливающих свет на историю жизни этой необычайно одаренной женщины.

Мастуре родилась в столице Арделанского княжества городе Сенендедже в 1805 г. в правление грозного и властолюбивого Аманаллах-хана (1214/1799-800 - 1240/1824-25), отца ее будущего мужа Хусрав-хана (1240/1824-25 - 1250/1834-35). В ней соединились линии двух могущественных родов Сенендеджского Курдистана - рода потомственных везиров, со стороны матери, и семейства Кадири, с отцовской стороны. Родственники Мастуре по материнской линии играли видную роль в борьбе за власть в Арделане, то активно поддерживая князей из дома Бани Ардалан, то не менее активно выступая против них с оружием в руках. Семейство Кадири, судя по тексту хроники Мастуре, проявляло большую лояльность к арделанским правителям, и члены этой семьи неизменно занимали видные должности при дворе. Весьма незаурядной личностью представляется дед Мастуре по отцу - Мухаммад-ака, занимавший, по-видимому, около полувека должность назира («смотрителя») Курдистана³ при четырех арделанских князьях. Отец Мастуре Абу-л-Хасан-бек заметно отличался наклонностями и характером от своего воинственного родителя. Его интересовали интеллектуальные занятия гораздо более, нежели дела ратные. В особенности охотно, по словам Мастуре, он занимался воспитанием детей и самое большое внимание уделил воспитанию и обучению своей старшей дочери - Мах Шараф-ханум, которая была предметом его гордости и горячей любви.

Мастуре стараниями своего отца получила воспитание несколько иное, нежели большинство женщин ее круга. В знатной курдской среде основное внимание уделялось умению женщины петь, танцевать, искусству верховой езды, различным рукоделиям. Абу-л-Хасан-бек, по-видимому, уделил основное внимание интеллектуальному развитию дочери. Успеху содействовали "естественный интерес" и "врожденное желание изучать книги"⁴, присущие одаренной девочке. Жадно вслушивалась она в предания, в легенды, посвященные "благим и счастливым деяниям" предков. Более всего Мастуре интересовали "диваны [стихов] древних" и записи давних хронистов. Абу-л-Хасан не ограничивал пылкий ум дочери прочтением книг, они вместе осматривали старинные курдские крепости, могущественные цитадели арделанских князей, разрушенные стараниями турецких и иранских властителей.

По мере ознакомления с хрониками и историческими сочинениями у Мастуре крепло желание самой взяться за описание исторических судеб Арделанского Курдистана: "изучая и делая записи, убедилась я, что полжение правителей вилайета Курдистана изъяснено и описано. [Но], хотя [рас]сказано обстоятельно, однако, по той причине, что от того остались [лишь] краткие [сведения], [история Курдистана] осталась непросверленной жемчужиной"⁵. Внутреннюю потребность, необходимость завершить "подробное изложение [прежних историков]" Мастуре осознала после того, как стала женой Хусрав-хана Бани Ардалана.

Мастуре вышла замуж, как можно заключить из текста хроники, в конце 1241/1825-26 или в начале 1242/1826-27 г. Этому браку предшествовала неожиданная опала, которой по приказу молодого князя подверглось семейство Кадири, - были арестованы и оштрафованы на тридцать тысяч туманов дед и отец Мастуре, а также братья отца и племянники⁶. На одной и той же странице хроники Мастуре дважды упоминает о "разладе в делах" ее деда и отца, но, более подробно останавливаясь на этих событиях двумя страницами ниже, среди потерпевших имени деда не упоминает. Не указан он и в числе родственников сочинительницы, которые были освобождены и снова снискали княжескую милость. Такое умолчание нельзя считать случайностью и объяснить одной забывчивостью автора. По-видимому, Мухаммад-ака, подобно своим сыновьям и внукам после ареста закованный в кандалы и подвергнутый всевозможным мучениям и пыткам, не вынес перенесенного унижения и скончался в тюрьме. И Мастуре, вначале имевшая намерение упомянуть о дальнейшей судьбе своего деда, предпочла умолчать. Решающую роль при этом сыграло ее положение вдовы Хусрав-хана в то время, когда писались эти строки хроники, нежелание чернить память о покойном муже, который стал, таким образом, прямым виновником кончины Мухаммад-аки. Не исключено, что смерть последнего носила и насильственный характер.

Освободив членов семьи Кадири из-под ареста, Хусрав-хан взял в свой гарем Мастуре, закрепив этой женитьбой примирение Бани Ардаланов с одним из могущественных арделанских родов. Мастуре не была первой и единственной женой князя. Именовалась княгиней (Валийе) и оставалась старшей женой Хусрав-хана до конца его жизни каджарская царевна Хусн Джихан-ханум, дочь Фатх 'Али-шаха, на которой он был женат с 1235/1819-20 г.

Это не позволяет согласиться с припиской, сделанной рукой В.Ф.Минорского на стр.97 оттиска статьи В.П.Никитина "Les valis d'Ardehan" из фонда В.Ф.Минорского библиотеки ЛО ИВ АН СССР: "Очевидно, Хосров и бросил Мах Шереф для Валийе (Хусн Джихан-ханум - Е.В.)". Во-первых, допущена хронологическая неточность: Хусрав-хан женился на Мастуре через шесть лет после брака с Хусн Джихан. Во-вторых, мнение, что при повторной женитьбе князю приходилось кого-либо из прежних жен "оставлять" или "покидать", вызвано механическим перенесением европейских норм быта и морали на мусульманскую среду.

Мастуре, по-видимому, не была несчастлива в браке, хотя детей у нее не было. Хусрав-хан несомненно выделял дочь Абу-л-Хасан-бека среди своих жен и оказывал ей предпочтение. По ее словам, она "была вознесена до должности везира эндеруна" - "министра" женской половины дома. Именно ей "принадлежала честь делить ложе с тем благородным" и она "была удостоена общения с ним днем и ночью"⁷. Мастуре оставалась любимой женой князя вплоть до его преждевременной кончины в 1250/1834-35 г. и была безутешна в своем горе, которое она излила в многочисленных стихах и элегии на смерть Хусрав-хана. Относительно того, как сложилась судьба Мастуре после 1250 г.х., хроника не содержит ни малейшего намека или указания. Мастуре ни словом не обмолвилась о своей жизни вплоть до упоминания об отъезде в Бабан в 1262/1845-46 г. Однако при более внимательном прочтении хроники можно почувствовать незаметную на первый взгляд сдержанность автора при описании правления Валийе Хусн Джихан и ее сына от Хусрав-хана - Риза-Кули-хана. В книге отсутствует перечисление их "достоинств и добродетелей", трафаретный, но обязательный список которых прилагается при описании правления почти всех остальных арделанских властителей.

Положение Мастуре в этот период времени в какой-то степени нам помогает представить одно ее стихотворение, написанное явно после смерти ее мужа и до отъезда в Бабан. Стихотворение содержит такие примечательные строки:

Я - женщина, что избрана главой в царстве целомудрия,
Из племени затворниц в [наш] век нет мне равной;
Под чадрой у нас голова, достойная короны,
Однако что [в том] пользы, если коловратная [судьба] так
меня принизила...

/Ваша покорная/ служанка лишена всего /и стоит/
у порога вилайета⁸.

В стихотворении не обычные, характерные для персоязычной поэзии и историографии сетования на не знающий сострадания рок, хотя "коловоротная судьба" упоминается. Мастуре унижена и лишена всего конкретными людьми, которые поставили ее "у порога вилайета". И эти люди не кто иной, как Валие и пасынок Мастуре Риза-Кули-хан, которые свели, наконец, счеты с ненавистной фавориткой Хусрав-хана. Мастуре, по-видимому, оставалась жить при княжеском дворе. Во всяком случае, когда по приказу шаха Риза-Кули-хан был схвачен и отослан в Тегеран, а княжеские обозы и домо-чадцы "знатными людьми вилайета" отправлены в Сулеймание, Мастуре тоже находилась среди тех беженцев, насчитывавших тысячу человек. В столице Бабанского княжества, которое переживало последние годы своего существования, в доме двоюродного брата Мастуре нашла приют, душевную теплоту и понимание близкого человека. Но благополучие оказалось недолгим - вскоре после непродолжительной болезни скончался друг и покровитель Мастуре, и на странице хроники появляется первая и последняя жалоба женщины на одиночество: "Со смертью его надорвалась [от рыданий] грудь, а глаза наполнились слезами. Я, Мастуре, тоже одинока в разлуке с тем дорогим". Через несколько дней слегла и Мастуре. Недомогание затянулось, и ей не суждено было поправиться. В мухарраме 1264/декабре 1847 г. на сорок четвертом лунном году жизни, или в возрасте сорока двух солнечных лет Мастуре скончалась "вдали от друзей и родных мест"⁹. На кладбище Гирди Сайван близ Сулеймание в Ираке покоится прах этой женщины, которую впоследствии ее соотечественники назвали чудом своего времени¹⁰.

تاریخ اردلان اثر «مستوره» شاعره و تاریخ نویس نامدار کردستان با
مقدمه و تصحیح و تحشیه بقلم ناصر آزادپور، [ب.ق.]، صفحه ۳.
دیوان ماه شرقی خانم کردستانی متخلصه به مستوره که بمساعی آقای
حاجی شیخ یحیی معرفت ... تدوین و طبع گردیده، طهران، [ب.ق.]، صفحه ۳.

³ По другим сведениям, Мухаммад-ака занимал должность "смотрителя кладовых Курдистана" (назир-и сундук-хане-йи Курди-стан), однако Мастуре неизменно именуется своего деда назиром Курдистана, да и по тексту хроники очевидно, что сфера его влияния и полномочий простиралась далеко за пределы княжеских кладовых.

- 4 Тарих-и Ардалан, стр. 2.
 5 Там же, стр. 2-3.
 6 Там же, стр. 176.
 7 Там же, стр. 180.
 8 Диван-и Мах Шараф-ханум, стр. 55.
 9 Тарих-и Ардалан, стр. 211.
 10 Там же, стр. 7 ; Диван-и Мах Шараф-ханум, стр. 105.

З.Н.Ворожейкина

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОДЕЛИ В ПЕРСИДСКИХ ЛЮБОВНЫХ
 ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ XII ВЕКА

В любовной лирике домонгольского Ирана прослеживается четкий стереотип – в восхвалении красоты возлюбленной, в сценарии любовного общения, в самом словаре любви. Этот стереотип был эстетической нормой времени. Он характерен, как показали исследователи, занимающиеся типологией культурных явлений, для средневековой любовной поэзии вообще.

Однако любовная лирика средневекового Ирана не укладывается вся в рамки стереотипа. Стихотворные тексты, созданные исфаханскими поэтами домонгольского времени, показывают, что в XII веке рядом с литературно-условной любовной поэзией развивалась и свободная от мистицизма и традиционной скованности личная лирика, с явными элементами индивидуализации чувства. Широко был и диапазон литературно-эстетических канонов. При всей декоративности словесного искусства, диктуемой господствовавшими вкусами эпохи, персидская поэтика владела и принципом художественной простоты; наряду с утонченным аристократизмом стиха мы различаем в любовной поэзии и живые фольклорно-песенные модели.

Приведем образцы: – два четверостишия Камала Исмаила (№№ 206, 162):

Об утреннюю пору зефиром повеяло,
 Ароматом знакомым повеяло.
 Понял я, откуда повеяло,
 От кончиков локонов любимой повеяло.
 Сердце вслед за любимой стремится в дорогу,
 Душа, вслед за нею, рвется в дверь.
 Покуда весть от нее не прибудет,